

Петр Хохлов

ДБ-3 НАД БЕРЛИНОМ

Теплый июльский вечер 1941 года. Два дня назад экипажи нашего 1-го минно-торпедного авиаполка под командованием полковника Е. Н. Преображенского перелетели из-под Ленинграда на остров Эзель (Сааремаа).

Поблизости, на материковой части Эстонии, шли ожесточенные бои советских войск с наступавшими гитлеровскими полчищами, а здесь, на аэродроме, полным ходом началась подготовка первого удара наших бомбардировщиков по Берлину.

— Это будет наш ответ фашистам за Москву! — сказал полковнику Преображенскому командующий авиации Военно-Морских Сил генерал Семен Федорович Жаворонков. — На подготовку — три дня!

Как раз утром радио разнесло по аэродрому сводку Советского Информбюро. В ней сообщалось о новых попытках налета фашистских бомбардировщиков на Москву.

Услышав об этом, я пошел в штаб к Преображенскому.

— Мы должны отомстить, — сказал я Евгению Николаевичу. — И если нам доверят это почетное дело, готов проложить кратчайший маршрут к Берлину.

— Прокладывай! — коротко ответил командир полка. — Но пока об этом никому ни слова! Сами понимаете, что задание необычное...

Днем на аэродром вновь приехал Семен Жаворонков.

— Правительство поручило вам, доблестные воины, произвести разведку и нанести бомбовый удар по столице германского фашизма — Берлину, — сказал генерал. — Немцы на все лады трубят, что советская ударная авиация уничтожена и что Берлин вряд ли достигаем для русских с воздуха! Вы должны это опровергнуть.

Все понимали, что путь к Берлину будет нелегким.

Августовские ночи на Балтике короткие, значит, надо вылететь за светом, а к Берлину подходить в полночь. После взлета идти надо на малой высоте, чтобы не обнаружили истребители против-

ника. К этому времени враг уже базировался на прибрежных аэродромах Эстонии, Латвии и Литвы. Очень важный фактор — погода. Если Эзель на обратном пути будет закрыт туманом, посадку производить негде. До Ленинграда просто не хватит запаса горючего. Ведь полет рассчитан на семь часов, иначе говоря, на полный радиус действия. Я уже не говорю о трудностях самих действий над целью. Воздушные подходы к своей столице фашисты прикрыли аэростатами заграждения, плотным зенитным огнем. В воздухе почти непрерывно патрулировали десятки ночных истребителей.

Все это прекрасно понимали наши летчики и Евгений Преображенский, и Василий Гречишников, и Афанасий Фокин — все, кому предстояло нанести первый удар по логову Гитлера. У меня самого было одно настроение — только бы дойти до цели, сбросить бомбы на Берлин, а что будет после — не важно... Хотелось одного — только бы не сбили до цели!

Мы помнили о ранах Ленинграда, видели, как фашисты совершают налеты на город, расстреливают на дорогах беззащитных женщин, стариков, детей... Как-то я возвращался с Преображенским с задания. У Гатчины мы увидели трупы расстрелянных с воздуха женщин и детей. Евгений Николаевич, увидев картину злодеяний фашистов, сказал:

— Что стоит наша жизнь, когда видишь страдания мирных людей? Но мне хочется отдать свою жизнь лишь после того, как сумею нанести наибольший урон врагу. А как ты, Петр?

— Тоже так думаю, товарищ командир, — ответил я.

И вот уже идем к самолетам!

Через несколько минут наши машины возьмут курс на Берлин. Нас провожает комиссар полка Григорий Оганезов.

— Помните, товарищи, за вами весь мир следит!

Первым взлетает в воздух Афанасий Фокин, за ним Василий Гречишников, Михаил Плоткин. Поднимаемся и мы.

Вскоре открылись безграничные просторы Балтики. Лунная звездная ночь будто прочно взяла наши самолеты в свои объятия, но не надолго. На высоте пяти с половиной тысяч метров выросла густая непроглядная облачность.

— Что будем делать, штурман? — спрашивает меня Преображенский. — Бомбить Штеттин или пойдём на Берлин?

— Конечно, на Берлин! — отвечаю я.

В кабине холодно. Деревенеют пальцы, труднее стало работать. Стрелки Кротенко и Рудаков передают по сигнально-переговорному устройству (СПУ), что слева в огнях Штеттин.

Я смотрю на проступающую в разрывах облачности изрезанную береговую черту. На штеттинском аэродроме идут полеты. Гитлеровцы, по-видимому, приняв наши самолеты за свои, включают прожекторы, приглашая на посадку. Очень хотелось мне в этот момент сбросить бомбы на фашистов, но наша цель — Берлин!

Идем дальше. Наш ДБ-3 упорно лезет вверх. Высота 7000 метров, где-то внизу — аэростаты заграждения. Врежешься — верная гибель.

Теперь до фашистского логова недалеко. Вовсю светит луна. На воде — тени от облаков и порой трудно отличить береговую

черту от морской поверхности. И вдруг луна озарила неожиданно открывшийся гигантский город. Берлин... Немцы даже не выключили уличных фонарей. Лунные дорожки пролегли через водоемы. Я определяю, где наша цель и даю поправку на курс, чтобы ударить поточнее. Ни одна зенитка не ведет пока огонь, значит нас не ждут... Определив контуры цели — заводы Симменса, — вывожу бомбардировщик на боевой курс. В момент сбрасывания бомб, нажимая на кнопку, я громко кричу: «Это вам за Москву, за Ленинград, за наших людей!»

Пусть слышит Гитлер шум моторов советских бомбардировщиков, пусть знает, что мы еще придем сюда не раз и покажем, на что способны!

Стрелок-радист Кротенко передал радиограмму на базу: «Мое место — Берлин. Задачу выполнили. Возвращаемся».

Через несколько минут мы увидели результаты своей работы. Над целью полыхали очаги пламени. Весь город погрузился в темноту. Только ввысь взметнули свои огненные пики сотни прожекторов. То тут, то там вспыхивали шапки зенитных разрывов.

Берлин скрылся не сразу. Сорок минут заняла обратная дорога до Штеттина. Над городом уже бушевал зенитный ураган, но это был шальной огонь, у страха, как известно, глаза велики.

На рассвете 9 августа наш ДБ-3 коснулся колесами родной земли. В тот же день фашистское радио сообщило, что в ночь с 8 на 9 августа 1941 года группа тяжелых самолетов Военно-воздушных сил Англии нанесла удар по Берлину — имеются разрушения и убитые.

Англичане это сообщение опровергли, так как из-за непогоды английская авиация бездействовала.

А потом мы еще много раз летали на Берлин. Продолжалось это целых сорок суток. Пяти офицерам нашего полка: полковнику Преображенскому, летчикам Ефремову, Гречишникову, Плоткину и мне было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Многие товарищи получили ордена.